

— «Среди высших созданий человека наиболее достойные и прочие — нравственные ценности». Хотелось бы построить наш разговор, Даниил Александрович, вокруг этого Вашего утверждения. Поговорим о нравственности.

— О нравственности? Нет, на эту тему беседовать не расположен.

— Почему?

— Заговорили эту тему.

— Допускаю. Но Вы ведь писатель, который более, чем кто-либо другой, поверяет своих героев именно высокими нравственными требованиями. И не только придуманных, сочиненных героев, но и реально существующих — я имею в виду Вашу документальную прозу. «Если сталкивается наука и нравственность — меня больше всего интересует нравственность», — это ведь Ваше кредо, не так ли? «Нельзя оценивать человека по ступеням служебной лестницы», — это ведь тоже Ваши слова.

— Ну и что же?..

— А в жизни человек часто оценивается не тем, добрый или злой, прямодушен ли или уклончив, любит ли он людей или лишь ищет среди них «нужных». А тем, например, какие у него отметки в школьном журнале. «Хороший мальчик, в особенности по химии», — никогда не забыть мне этого выражения одной учительницы...

Что человек любит? Что он ненавидит? Это нас часто меньше беспокоит, чем то, скажем, сколько намолотил он зерна или выточил гаек. Не потому ли мы, воспитатели, так часто недооцененно разводим руками: ну откуда они берутся — карьеристы, или потребители, или просто равнодушные? Их много, вопросов, на каждый нашему читателю хотелось бы получить от Вас, писателя, ответ...

— Писатель скорее ставит вопросы, чем дает ответы.

— Поясните, пожалуйста, свою мысль.

— Мы порой придаем художественной литературе утилитарное значение. Слишком большой публицистической нагрузки требуем от нее. От этого страдает литература — ее этические, эстетические ценности отодвигаются на второй план.

Книга дорога, когда она открывает сложности человеческих чувств и отношений, когда она заставляет грустить, радоваться, думать и спорить. Плохо, когда читатели привыкают ждать готовых ответов. Об этом свидетельствуют письма, которые приходится получать. Лестно, конечно, слы-

шать обращенный к тебе вопрос: как жить? как любить? Но всегда думаешь: а ты сам? Нельзя жить в самой сложной области бытия чужими истинами. Может, это и удобно, но чаще всего приводит к бездумью. Заранее известный ответ лишает человека поисков, одно прикосновение к которым может быть само по себе потрясающим толчком. Вопрос действует сильнее ответа — он требует соучастия.

спрашивала моя знакомая, в блокаду голодный, сама падая, пытался поднять упавшего, а сейчас?.. Люди задумываются над вопросом: а какие мы сегодня? Это мне представляется важнее ответа.

— Испытание сытостью, наверное, не менее серьезно, чем испытание голодом. Телом зарастает душа...

— Сохранить себя в границах человеческого, убедились мы, помогало в блокаду и то,

к совершенству. Натренированы забываться от них, считая это блажью, мутью, результатом высокого давления, плохой погоды, усталости. Что угодно, только не томление души! Но тоска по лучшему в себе, борьба с эгоизмом, корыстью — самое драгоценное в человеке. В то время, в какое вел дневник Юра, эти качества воплощались в простом и страшном чувстве — чувстве голода. Тем, что

спих героев, хотя они такие разные.

— Они не перекалывают ответственность с себя на обстоятельства. Большинство же из нас ссылается на обстоятельства, на всякого рода помехи. Это удобно. И мы не замечаем, как разлагают и обесиливают душу эти ссылки...

— Одна из самых частых наших жалоб — нехватка времени. Поэтому с таким инте-

БУДУЩЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

УРОКИ НАВРСТВЕННОСТИ

Разговор с Даниилом Граниным

— Ну, хорошо, будем говорить не о Ваших ответах, о Ваших вопросах. Вот Вы недавно с А. Адамовичем закончили «Блокадную книгу». Война, блокада Вам лично известны, не по чьим-то рассказам. И тем не менее, изучая сейчас эту трагическую и вместе с тем прекрасную страницу нашей истории, сделали ли Вы какие-то открытия для себя?

— Да, открытия были. Шесть лет работы, 200 человеческих судеб, множество документов. Это все дает богатую пищу для размышлений...

Вот мы задумались над таким вопросом: кто в блокаду выживал? Казалось бы, тот, кто берег свои силы, кто сохранял, спасал себя. Нет, не так: спасались те, кто сам спасал.

Братство людей. Вот что давало силы не просто существовать, но и вести оборонительные работы, и расчищать город, и охранять его от огня зажигательных бомб.

— Эта закономерность, увиденная, прочувствованная Вами там, в том времени, действует и сейчас, в нашем, мирном, как Вам кажется?

— Мы предпочитали пореже формулировать, не навязывать свое мнение. Пусть люди думают сами. И пришло много писем с такими раздумьями. А как-то раздался звонок. Из Новгорода. От знакомой библиотекарши. Она рассказала о том, что ее коллега, пожилая женщина, пересекла площадь, упала, сломала ногу. И долго лежала, не в силах подняться, а люди шли мимо... Как же так,

что мы называем интеллигентностью.

Оказалось, что в блокаду очень многие стали писать стихи.

— Удивительный факт.

— Да. Люди потянулись к книге. И очень многие с начала блокады стали вести дневники.

— Как Вы думаете, почему?

— Это, конечно, осознание важности происходящего, ощущение своей причастности к истории народа. Но и другое — желание разбудить свой дух. Мыслишь, контролировать себя. Мы отобрали три дневника. В том числе дневник 16-летнего Юрия Рябинкина, ленинградского школьника. Юра не совершил ничего героического. Более того, он совершал проступки: как-то не выдержал и съел хлеб, который нес маме и сестре. Но как он судил себя! Как его совесть боролась с его слабостью! Это показало нам не менее значимым, чем какой-либо героический поступок.

— Поподробнее об этом, пожалуйста. Эта Ваша мысль представляется очень важной. Мы часто показываем лишь результат: «Вот чего человек достиг!» А как достиг, какие приложил усилия, как преодолевал себя и обстоятельства, часто остается за кадром. Иному молодому человеку кажется, что пример недостижим. «Что могу я? Обыкновенный человек?»

— Слишком часто мы стараемся избежать переживания — внутренних, идущих от недовольства собою, от тяги

Юра требовал от себя честности, он спал жизнь людей близких, родных.

Откуда у этого мальчика, у других людей такая требовательность к себе? Этот вопрос мы хотели поставить.

— Вы знаете, Даниил Александрович, в редакцию сейчас приходят письма-исповеди — они сродни дневникам — от молодых людей, которые не корят себя, а себя констатируют, если так можно выразиться. «Ну что поделаешь: вот такой я родился — ленивый». И ни капли горечи по этому поводу. Или: «Да, я безответственный. Но разве я виноват, что такой? Так меня воспитали».

Подобная констатация свидетельствует, конечно, об искренности пишущих и вместе с тем об удручающей картине их духовного иждивенчества. А люди, о которых Вы пишете, и не только в «Блокадной книге», все задают в первую очередь вопросы себе, они недовольны прежде всего собой. Они пытаются выйти за пределы своих возможностей, быть выше обстоятельств, выше судьбы. Им присуща, как мы сейчас говорим, активная жизненная позиция.

— Мне интересны такие характеры. Меня привлекают люди необычные. Что значит необычность? Для меня — судьба, которой можно удивляться, человек, которого я полюбил, успех любой ценой... Их идея жизни определяется коротко: «а что я с этого буду иметь?» Их убежденность — выгода. Сегодня они говорят

— Это чувство роднит и Ва-

ресом читается Ваша документальная повесть «Эта странная жизнь». У ее героя были особые отношения с временем.

— Да. В нем меня интересовало: каким образом он, наш современник, успел так много сделать? Так много надумать? Последние десятилетия — а умер Любимцев 82 лет — работоспособность и идеепродуктивность его возрастали... Он хронометрировал себя всю свою жизнь. И никогда не жаловался на отсутствие времени.

— В юности всегда кажется, что жизнь длинная, длинная... Что час, день, год? Многое откладывается на потом. И часто что-то очень важное, существенное. Не тем живем, не тем мучаемся... А жизнь пролетает.

— Да, жизнь спешит, если мы сами медлим. Урок моего героя состоял в том, что можно жить каждой минутой часа и каждым часом дня с постоянным напором отдачи.

— Другая Ваша документальная повесть «Клавдия Вилор». Что привлекло Вас к Вашей героине?

— Эта женщина, оставшаяся политруком и в фашистском плену, и в глубоком тылу, в оккупации, была непримирима не только к себе — к другим. Часто не считалась с обстоятельствами, в которых находились эти люди. Был ей присущ и некий максимализм... За это таких людей можно, конечно, и осуждать. Но когда сегодня сталкиваешься с людьми, для которых важна лишь карьера, успех любой ценой... Их идея жизни определяется коротко: «а что я с этого буду иметь?» Их убежденность — выгода. Сегодня они говорят

одно, завтра могут сказать совсем другое. Вот тогда начинаешь особо ценить и понимать достоинства таких, как Вилор. Понимаешь, что у них неопределимые преимущества.

— Теперь, пожалуй, становится более понятным Ваше сопротивление предложенной теме разговора — для Вас пример выше правила.

— Пропиши, точнее сказать. Очевидно, в раннем возрасте человек нуждается в каких-то прописях — «уважай старших», «не бери чужого» и т. д., ребенку нужно сориентироваться в этом мире. А дальше... Обратите внимание: математические задачи сейчас усложнились — скорость лодки по течению, против течения, ребенок бьется над этим сызмала. Но не менее, а более важно решать задачи этические.

— Дело в том, что мы воспитание часто путаем с просвещением. Часто кажется, что люди — те самые «крохи», которым только следует, по Маяковскому, объяснить, «что такое хорошо, и что такое плохо», и они вырастут, какими нужно. А сейчас все грамотные, каждый может без запинки перечислить те человеческие качества, которые мы считаем добродетелями, и те, которые признаем пороками. Но, прекрасно зная, как надо поступать, многие поступают тем не менее, как не надо. И дурные примеры, которые каждый из нас наблюдает, это недостаток не соответствующих моральных знаний, а чувств. Нравственность — это чувство. Как его разбудить? Как «стронуть» человека? — такое, очень емкое выражение есть в Вашей книге о Клавдии Вилор...

— Если бы я знал... Конечно, прописи, запреты, ограничения не могут служить материалом для строительства человеческой личности. Той, о которой мы говорим. Должна быть еще и радость, откровение, открытие поступка, совершенного не по чьему-то приказанию, не во имя чьей-то прописи, а изнутри. Показать красоту такого поступка может и учитель.

— То есть примером для человека может быть не только другой человек, но и он сам?

— Да. «Всегда помните эту минуту, когда были такими чистыми, добрыми, любящими», — помните эти слова Алексея Карамазова, обращенные к мальчикам? «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впрямь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесен-

ное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть». Меня этот принцип Достоевского очень заинтересовал.

— Да, мудрый педагогический принцип. Учитель, да и не только учитель, воспитатель любого ранга чаще говорит воспитаннику, что в нем дурно, а не то, что в нем хорошо. Очерчивается, фиксируется не святая, а плохая, стыдная минута.

— Я давно, еще в школе, заметил: когда учитель ставит отметку ученику, то и ученик ставит отметку учителю. Очень важно учитывать эти отметки учеников. Учитель, конечно, не всегда может быть отличным... Он не всегда по всем вопросам образец. И это неизбежно. Важно, чтобы его любили. Вот в литературе есть герои, которых мы зовем положительными. А есть просто любимые. Как мы любим Теркина, хотя у него и отличный-то особый нет! Герои, которых мы любим, сильнее нас действуют. Ну, скажем, д'Артаньян — разве он положительный герой? Он ведь может и соврать, и схитрить. А мы его любим.

Учитель, каждый учитель, не может быть идеально справедливым, идеально возвышенным, идеально мужественным. Он человек. Но он может — и должен — быть любим. Из чего складывается любовь к учителю? Из ощущения, что этот человек хочет быть справедливым? Честным? Что он сам любит тебя? Я не берусь определять. Я только знаю, что детство и юность — пора любви, когда сердце раскрыто навстречу участию, совету, примеру.

Родина человека — это его детство. Мало вынести из детства только: «это хорошо», «это плохо». И обидно, когда это «хорошо» — другого мальчика, не твое, которое хочется и приятно вспомнить. То, что происходит в детстве, отрочестве, юности, не только впечатление — откровения той поры — главный строительный материал для судьбы и характера. С годами осознаешь это все тверже.

— Живешь за счет детства?

— Думаю, что детство — часть жизни, драгоценная сама по себе, а не только как становление взрослого. Но, кроме этого, оно еще и будущее воспоминание.

Разговор вел
И. РУДЕНКО

13 МАИ 1991
Кенесовская правда
г. Москва